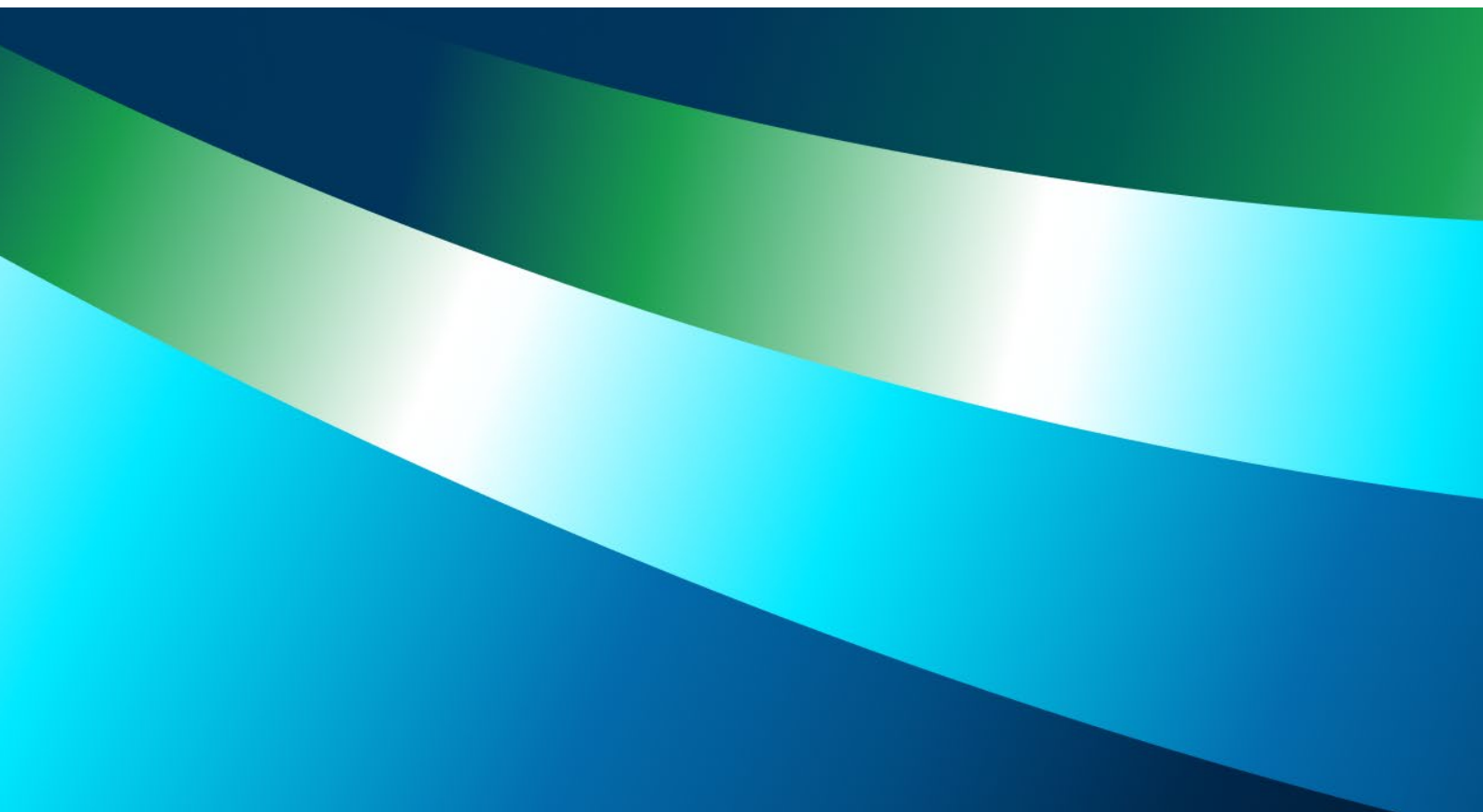

Геоэкономика

Новые возможности для России в Сирии после 2024 года

После смены власти в Сирии Россия сталкивается с необходимостью заново выстраивать экономическое присутствие в стране, где за влияние конкурируют региональные и глобальные игроки. Какие возможности открываются для российского бизнеса и что может ограничить его участие в восстановлении сирийской экономики?

Executive summary

Смена власти в Сирии в конце 2024 года формирует новое окно возможностей для международного экономического взаимодействия. Постепенное снятие внешних ограничений, восстановление финансовой инфраструктуры, запуск новой инвестиционной политики и активизация контактов Дамаска с региональными и глобальными игроками создают предпосылки для возвращения страны в мировую и региональную экономику. При этом открытие Сирии означает не формирование гарантированной зоны российского влияния, а, скорее, появление конкурентного рынка, за доступ к которому будут соперничать Турция, страны Персидского залива, ЕС, США, Китай и Россия.

Для России это создает возможность перейти от преимущественно военно-политической модели присутствия к экономическому и инфраструктурному вовлечению. Исторические связи, накопленный политический капитал, инфраструктурное и техническое наследие, а также опыт взаимодействия с сирийскими государственными институтами формируют для российских компаний стартовые преимущества. Однако сами по себе эти преимущества не гарантируют сохранения российского присутствия: новая Сирия заинтересована в диверсификации внешних партнеров и привлечении максимально широкого круга инвесторов.

Сирия может стать важным элементом формирующейся геоэкономической архитектуры Леванта. Ее положение между Турцией, Ираком, Иорданией и Средиземноморьем создает долгосрочный потенциал для развития торговых, транспортных и энергетических коридоров. В случае стабилизации и восстановления инфраструктуры страна способна превратиться из преимущественно конечного рынка восстановления в транзитный, производственный и логистический узел, связывающий Восточное Средиземноморье с Ираком, Турцией и странами Персидского залива. Вместе с тем реализация этого потенциала будет зависеть от восстановления безопасности, консолидации государственного контроля, модернизации инфраструктуры и способности Дамаска обеспечить предсказуемые правила трансграничной торговли.

Наиболее перспективной стратегией России является не восстановление прежней модели доминирующего присутствия, а конвертация политического капитала в экономическую взаимозависимость. На первом этапе это предполагает расширение экспорта и участие

российских компаний в проектах восстановления, использование локальных партнерств и государственно-частных механизмов. По мере стабилизации рынка модель может эволюционировать в совместные предприятия, локализацию производства и прямые инвестиции, а в долгосрочной перспективе — в участие российских компаний в региональных цепочках поставок и инфраструктурных коридорах.

Наиболее привлекательные направления для российского бизнеса находятся в секторах, где одновременно сочетаются высокий структурный спрос Сирии и существующие конкурентные преимущества России. В кратко- и среднесрочной перспективе к ним относятся сельское хозяйство и продовольствие, поставки удобрений и агротехнологий, отдельные направления энергетики, строительство и инфраструктурные услуги, логистика и здравоохранение. Более капиталоемкие проекты в энергетической, портовой и транспортной инфраструктуре обладают значительным долгосрочным потенциалом, однако требуют более высокой степени политической и финансовой определенности.

При этом формальная открытость сирийского инвестиционного режима не означает автоматической доступности рынка. Централизованная система принятия решений, сохраняющаяся институциональная слабость, необходимость получения государственных разрешений, недостаточно развитая финансовая инфраструктура и высокая роль местных партнеров будут ограничивать самостоятельный вход иностранных компаний. Для российского бизнеса это означает, что на раннем этапе преимущество будут получать компании, способные сочетать коммерческую экспертизу с эффективным государственным сопровождением и локальным присутствием.

Ключевым фактором инвестиционной привлекательности остается безопасность. Военная и политическая нестабильность, фрагментация контроля над отдельными территориями, риски на границах и сохраняющаяся напряженность в отношениях с рядом соседних государств повышают стоимость капитала и удлиняют горизонт окупаемости проектов. Поэтому наиболее рациональной для российских компаний является поэтапная стратегия входа, позволяющая наращивать капиталовложения по мере снижения политических и операционных рисков, а не осуществлять масштабные greenfield-инвестиции на ранней стадии трансформации рынка.

Таким образом, главный вопрос для России заключается не в том, возвращаться ли в Сирию, а в том, какие позиции необходимо занять уже

на этапе формирования новой экономической архитектуры страны. Наиболее устойчивой моделью станет переход от зависимости Сирии от отдельных российских поставок или государственных проектов к взаимовыгодной интеграции российских компаний в местные производственные, инфраструктурные и торговые цепочки. Именно такая модель позволит одновременно снизить риски для бизнеса, создать долгосрочные экономические интересы России в Сирии и превратить накопленный политический капитал в устойчивое геоэкономическое присутствие в Леванте.

Следовательно, цель данного анализа — дать ответы на три ключевых вопроса, выводы о которых напрямую повлияют на решение российских компаний о начале операций на сирийском рынке или прямых инвестициях в страну.

- Во-первых, с какими типами рисков и издержек — политическими, регуляторными, экономическими, логистическими и репутационными — российские компании столкнутся на рынке Сирии?
- Во-вторых, насколько потенциальная прибыль от выхода на рынок постконфликтного государства оправдывает связанные с ним риски и издержки — как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе? Насколько большое преимущество получают «первопроходцы» на вновь открывшемся сирийском рынке?
- В-третьих, каким будет новый этап развития российско-сирийских экономических отношений, учитывая роль других стран Леванта, Ближнего Востока и внешних акторов, и каковы перспективы и характер конкуренции и сотрудничества российских компаний с ними?

Краткая история российско-сирийских отношений

Накопленный капитал и исторические ограничения для нового этапа сотрудничества

Российско-сирийские отношения имеют более чем 70-летнюю историю. Их стратегическая основа сформировалась в 1950–1970-х годах на фоне развития военно-технического сотрудничества и использования Сирией как одного из ключевых партнеров СССР в Восточном Средиземноморье¹. Важное значение для долгосрочного присутствия

России имело географическое положение Сирии и ее выход к Средиземному морю: в 1971 году в порту Тартус была создана советская военно-морская материально-техническая база. Параллельно развивались экономические связи в энергетике, транспорте, нефтегазовой отрасли и ирригации.

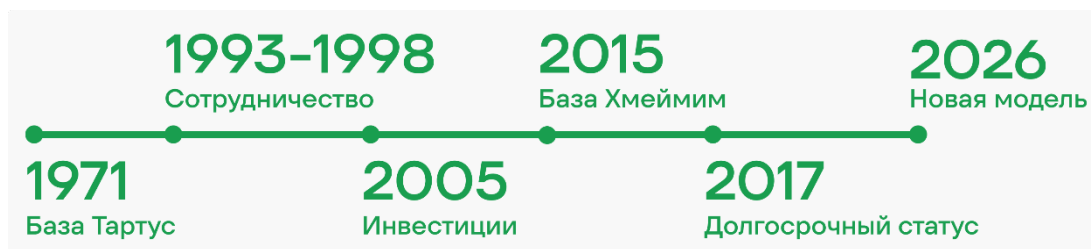

Рис. 1. Таймлайн российско-сирийских отношений

После распада СССР взаимодействие сохранило институциональную основу. В 1993 году было подписано соглашение о торговом, экономическом и техническом сотрудничестве, а в 1998 году начала работу Постоянная российско-сирийская комиссия по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. После того, как Башар Асад занял пост президента в 2000 году, в 2004 году в Дамаске под эгидой Российско-арабского делового Совета был создан двусторонний Российско-сирийский деловой совет (РСДС) (в настоящее время часть ТПП РФ), а в 2005 году была подписана Совместная Декларация о дальнейшем углублении отношений дружбы и сотрудничества между странами и Соглашение о поощрении и взаимной защите капиталовложений². В 2015 году по итогам переговоров Владимира Путина и Башара Асада Россия обязалась оказывать помощь сирийскому правительству в борьбе с незаконными вооруженными группировками. Этот момент является ключевым для современной стратегии России в Сирии по двум причинам: во-первых, Россия перешла к непосредственному военно-политическому участию в сирийском конфликте на стороне правительства Башара Асада, и, во-вторых, к ее военно-морскому присутствию присоединился постоянный военно-воздушный компонент на авиабазе Хмеймим в провинции Латакия. В 2017 году, ввиду нарастающего риска свержения правительства Асада и сложностей в контроле государственных территорий, были подписаны соглашения о расширении и долгосрочном статусе (49 лет с автопродлением) баз в Тартусе и Хмеймиме.

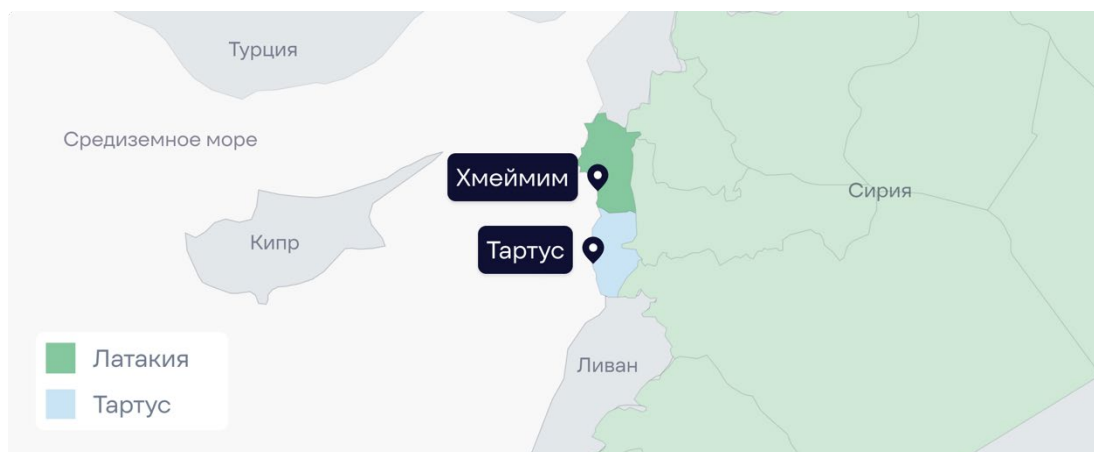

Рис. 2. Ключевые точки российского инфраструктурного присутствия на сирийском побережье

Таким образом, к началу нового этапа Россия располагает накопленным политическим и институциональным капиталом, инфраструктурным присутствием и опытом работы в ключевых для восстановления Сирии секторах. Для российского бизнеса это снижает часть барьеров, связанных с отсутствием локальной экспертизы и государственных контактов, однако не устраняет риски, связанные с трансформацией сирийских институтов, изменением инвестиционного режима и появлением новых иностранных конкурентов.

От военного присутствия к экономическому взаимодействию — практические выводы для России

После смены власти в Сирии данный формат присутствия был поставлен на пересмотр. Подписанный 9 августа 2026 года меморандум о взаимопонимании по реорганизации российского военного присутствия на сирийском побережье предусматривает передачу сирийской стороне управления гражданской инфраструктурой в Хмеймиме и Тартусе при сохранении российского присутствия в преобразованном военно-учебном и логистическом формате, что фактически закрепляет переход к новой модели российско-сирийского взаимодействия³. Переходный период должен занять до трех месяцев. Изменение статуса российского присутствия в Тартусе и Хмеймиме после смены власти в Сирии создает предпосылки для перехода к более диверсифицированной модели, в которой инфраструктурное, торговое и инвестиционное присутствие может стать самостоятельным инструментом долгосрочного взаимодействия. Ключевой задачей для

России становится конвертация накопленного политического и инфраструктурного капитала в устойчивое экономическое присутствие в Сирии и более широких цепочках Леванта. Сохранение доступа к инфраструктуре Тартуса также имеет более широкое значение для российской внешнеэкономической стратегии, поскольку порт потенциально может продолжать выполнять функцию транзитного узла для российских операций и логистики в направлении Африки.

Для российско-сирийских отношений это имеет значение, выходящее за рамки военно-технической сферы. Смена политического режима в Дамаске означает, что прежняя модель взаимодействия, основанная преимущественно на прямых межгосударственных договоренностях и военно-политическом присутствии, должна адаптироваться к новой структуре принятия решений. Российскому бизнесу теперь необходимо учитывать не только формальные решения центральных органов власти, но и распределение полномочий между новыми государственными институтами, региональными администрациями, силовыми структурами, экономическими ведомствами и другими центрами влияния.

В этой связи одним из первоочередных направлений работы России должно стать системное изучение новой бюрократической и политико-экономической модели Сирии. До начала масштабного инвестиционного присутствия российским компаниям необходимо понимать, кто именно принимает решения по интересующим их вопросам, какие государственные органы обладают реальными полномочиями, через какие институты проходят лицензирование, государственные закупки, предоставление доступа к инфраструктуре и распределение земельных и иных активов. Не менее важно выявить неформальные механизмы принятия решений: ключевые группы влияния, местные бизнес-сети, политические и силовые элиты, отраслевых посредников, а также точки пересечения сирийских интересов с интересами Турции, стран Персидского залива, западных государств и других внешних игроков.

Такой подход позволит российским компаниям избежать стратегии «выхода на рынок напролом», предполагающей значительные первоначальные инвестиции при недостаточном понимании регуляторной и политической среды. На раннем этапе более рациональной может оказаться поэтапная модель прощупывания рынка, основанная на дипломатических контактах, отраслевых консультациях, взаимодействии с местными партнерами, пилотных проектах и экспортных поставках. Это позволит российскому бизнесу сначала определить реальные

центры принятия решений и структуру интересов, оценить наличие конкурирующих иностранных проектов и только после этого принимать решения о более капиталоемком присутствии.

В этом контексте государственная поддержка должна заключаться не только в заключении межправительственных соглашений, но и в создании инфраструктуры политико-экономического взаимодействия для российского бизнеса. Речь идет о регулярном межведомственном диалоге, обмене информацией о регуляторных изменениях, сопровождении российских компаний на уровне сирийских государственных институтов, развитии механизмов разрешения инвестиционных споров и формировании прозрачных каналов взаимодействия с сирийскими контрагентами. Особое значение приобретает сбор и актуализация информации о структуре стейкхолдеров по конкретным секторам: от энергетики и инфраструктуры до продовольствия, логистики и здравоохранения.

Поэтому оптимальной последовательностью действий становится:

Рис. 3. Оптимальная последовательность выхода на сирийский рынок

Для понимания конкурентной структуры сирийского рынка необходимо учитывать не только внутренних участников и механизмы принятия решений, но и формирующуюся систему внешних экономических связей Сирии — отношения с США и европейскими странами, соседями по Леванту, Турцией и странами Персидского залива, которые будут определять доступ к капиталу, технологиям, инфраструктуре и

региональным рынкам и тем самым непосредственно влиять на позиции российских компаний.

Взаимодействие новой Сирии с другими странами

От изоляционизма к сотрудничеству: Сирия и США

Глубокая системная трансформация — именно так можно охарактеризовать текущие изменения в национальной и внешней политике Сирии после смены правительства Башара Асада 8 декабря 2024 года. Резкий приход к власти Переходного правительства после «Идлибского блицкрига» — наступления коалиции вооруженных оппозиционных формирований под руководством группировки «Хайят Тахрир аш-Шам» (ХТШ) — во многом стал неожиданным как для соседних государств Ближнего Востока, так и для международного сообщества. Однако предпосылки для столь стремительного изменения политического ландшафта формировались на протяжении предшествующего периода гражданской войны. Экономический упадок, административная раздробленность и фактическая утрата контроля над территориями за пределами центрального региона и побережья, неэффективность бюрократического аппарата, высокий уровень коррупции, низкое доверие населения к государственным институтам и многолетняя санкционная изоляция существенно ограничили способность прежнего государства обеспечивать экономическую стабильность и выполнять базовые функции управления. В результате к моменту смены власти Сирия представляла собой государство с крайне высокой потребностью во внешних ресурсах для восстановления экономики, инфраструктуры и государственных институтов.

Несмотря на резкость политических перемен, неопределенность их направления и вопросов эффективной реализации заявленных целей правительства президента Ахмеда аш-Шараа, сирийскую трансформацию сложно назвать полностью тектонической или возникшей исключительно после смены власти. Большинство политических и экономических проблем, с которыми столкнулось государство, сформировались или существенно обострились в период гражданской войны 2011–2024 гг. и сохранились в постконфликтный период трансформации государственного и общественного устройства. Поэтому одной из

ключевых задач нового правительства становится не только политическая консолидация страны, но и создание условий для восстановления экономической активности, привлечения внешнего капитала и возвращения Сирии в международные торгово-финансовые связи.

В этих условиях открытость к сотрудничеству с ключевыми внешними игроками — США, странами Персидского залива, Турцией, Россией, Китаем и европейскими государствами — приобретает не только дипломатическое, но и непосредственное экономическое значение. Заключение и обсуждение двусторонних соглашений с государствами, стратегические интересы которых в Сирии существенно различаются, указывает на стремление нового правительства избежать чрезмерной зависимости от одного внешнего партнера и расширить пространство для внешнеполитического и экономического маневра. В отличие от более односторонней модели внешних связей правительства Башара Асада, новая Сирия стремится одновременно получать доступ к различным источникам капитала, технологиям, рынкам сбыта, инфраструктурному финансированию и политической поддержке. В этом контексте умеренность в культурном и религиозном управлении сочетается с попытками либерализации торговли, привлечения иностранных инвестиций и восстановления экономических связей с внешним миром. Таким образом, внешняя и экономическая политика переходного правительства может рассматриваться как стратегия многостороннего балансирования, направленная одновременно на укрепление международной легитимности нового государственного аппарата и расширение ресурсной базы для восстановления страны.

При этом сама по себе политическая открытость не означает автоматического формирования благоприятного инвестиционного климата. Для иностранных компаний принципиальное значение имеет то, насколько быстро снятие внешних ограничений будет сопровождаться восстановлением банковской системы, развитием механизмов международных расчетов, повышением прозрачности регулирования, защитой инвестиций и формированием предсказуемых процедур доступа к активам и государственным контрактам. Поэтому текущий этап следует рассматривать не как уже состоявшееся открытие сирийского рынка, а как процесс постепенной нормализации условий для международного бизнеса. Именно скорость и качество этой институциональной трансформации будут определять, насколько быстро политическая нормализация сможет конвертироваться в реальные торговые и инвестиционные потоки.

Показательным примером такого перехода является изменение отношений Сирии с США. После прихода к власти Ахмеда аш-Шараа Вашингтон начал последовательно смягчать ограничения, связанные с прежним сирийским правительством и его окружением. Часть контртеррористических ограничений в отношении нового президента и членов его правительства, ранее связанных с ХТШ, была снята^{4,5}. Впоследствии были отменены более широкие экономические санкции, включая положения, препятствовавшие новым инвестициям и предоставлению ряда услуг в Сирии. Существенным изменением стало прекращение применения санкционного режима, связанного с «Актом Цезаря» (Caesar Syria Civilian Protection Act), который ранее создавал значительные риски для третьих стран и компаний, взаимодействовавших с сирийским государством, энергетическим сектором и рядом связанных с ним структур^{6,7}.

Ослабление американских ограничений имеет для Сирии значение, выходящее за рамки двусторонних отношений. США являются одним из ключевых центров глобальной финансовой системы, поэтому изменение их санкционной политики снижает не только непосредственные ограничения для американского бизнеса, но и общий уровень вторичного санкционного и комплаенс-риска для международных компаний, банков и инвесторов. Одновременно снятие наиболее широких ограничений создает предпосылки для восстановления торговых и финансовых связей Сирии с другими государствами и облегчает доступ страны к международному капиталу.

Таким образом, сближение с США следует рассматривать как часть более широкого процесса реинтеграции Сирии в мировую экономику, а не как изолированный дипломатический поворот. Вашингтон заинтересован в восстановлении диалога с новым сирийским правительством не только по вопросам безопасности и политической стабилизации, но и с целью формирования условий для собственного экономического и институционального присутствия в стране. На фоне постепенного снятия международных ограничений это создает новую конкурентную среду: за позиции в сирийской экономике начинают конкурировать не только традиционные региональные игроки, но и американский, европейский, турецкий, китайский, российский капитал, а также страны Персидского залива.

Для России это означает принципиальное изменение условий работы на сирийском направлении. Накопленный за десятилетия политический и институциональный капитал по-прежнему создает конкурентное преимущество российских компаний, однако сам по себе он уже

не гарантирует приоритетного доступа к сирийскому рынку. По мере нормализации внешнеэкономических связей Сирия получает возможность выбирать между несколькими источниками капитала, технологий и инфраструктурной экспертизы. Следовательно, российскому бизнесу необходимо конкурировать не за сохранение прежнего уровня присутствия, а за конкретные экономические позиции в формирующейся системе международных связей новой Сирии.

Региональный пояс безопасности: роль государств Ближнего Востока

Географическое положение Сирии является одним из ключевых факторов, определяющих ее долгосрочное значение для стран Леванта и внешних игроков. Страна расположена на пересечении нескольких торгово-транспортных направлений, связывающих Средиземноморье с Ираком и странами Персидского залива, а также Турцию с Иорданией и другими государствами арабского мира. Выход к Средиземному морю и наличие портовой инфраструктуры дополнительно усиливают транзитный потенциал страны. Поэтому восстановление Сирии потенциально способно иметь эффект, выходящий за пределы ее национальной экономики: восстановление транспортных коридоров, энергетической инфраструктуры, пограничных переходов и торговых связей может постепенно вернуть Сирии функцию связующего звена между несколькими экономическими центрами региона.

Рис. 4. Сирия в геоэкономике Леванта

При этом текущие отношения Сирии с государствами Леванта остаются неоднородными. Политическая и военная нестабильность, территориальные споры, трансграничные потоки вооруженных группировок, миграция и контрабанда ограничивают возможности полноценной экономической интеграции. Таким образом, географическое положение само по себе не превращает Сирию в региональный хаб: для реализации этого потенциала необходимы восстановление безопасности, укрепление государственного контроля над границами, развитие таможенной и транспортной инфраструктуры, а также формирование предсказуемых правил трансграничной торговли.

Израиль

Особое значение в этом контексте имеют отношения с Израилем. Несмотря на сохраняющиеся военные и политические противоречия, снижение интенсивности конфликта и формирование устойчивых механизмов безопасности могли бы существенно изменить экономическую конфигурацию юга Сирии. Стабилизация границы позволила бы восстановить транспортные связи с Иорданией и далее со странами Персидского залива, а также создать условия для более масштабного движения товаров и капитала через южный коридор. Напротив, сохранение высокой интенсивности израильско-сирийского противостояния будет оставаться одним из ключевых ограничителей инвестиционной привлекательности и долгосрочного инфраструктурного планирования.

Ливан

Отдельного внимания требуют отношения с Ливаном. Экономики двух стран исторически тесно связаны, а восстановление Сирии потенциально создает для Ливана доступ к более крупному соседнему рынку, транзитным маршрутам и региональным торговым потокам. Для Сирии же Ливан представляет значение не только как торговый партнер, но и как элемент более широкой финансово-деловой инфраструктуры Леванта. Исторически ливанские банки, финансовые посредники, предпринимательские сети и диаспоральный капитал играли существенную роль в обслуживании трансграничных потоков между Левантом и странами макрорегиона, включая страны Персидского залива⁸. Поэтому по мере восстановления собственной финансовой системы Сирии нормализация отношений с Ливаном будет иметь значение не только для торговли, но и для ее подключения к региональным каналам финансирования.

Наиболее непосредственная экономическая возможность для Ливана связана с восстановлением сухопутного транзита через территорию Сирии. Возобновление предсказуемого автомобильного сообщения с Иорданией, Ираком и далее со странами Персидского залива может снизить логистические издержки ливанских экспортеров и расширить доступ к рынкам для сельскохозяйственной продукции, продуктов питания и напитков, фармацевтической продукции, химических товаров и отдельных видов промышленной продукции. Дополнительный эффект может возникнуть за счет восстановления цепочек поставок, связывающих ливанские порты, склады и производственные предприятия с сирийскими и иорданскими рынками. Однако само открытие границ не гарантирует экономического эффекта: его масштаб будет зависеть от транзитных сборов, таможенных процедур, скорости прохождения границы, стоимости страхования, состояния автомобильных дорог, прозрачности тарифов и предсказуемости пограничного контроля.

При этом отношения двух стран остаются политически чувствительными. Исторические конфликты, вопросы безопасности границы, миграция, контрабанда и деятельность вооруженных группировок периодически становятся источниками напряженности. Более того, экономический кризис Ливана ограничивает его возможности выступать самостоятельным источником крупных инвестиций в восстановление Сирии. Поэтому на краткосрочном горизонте экономическая взаимозависимость будет, вероятно, носить преимущественно асимметричный характер: восстановление Сирии создает для Ливана новые экономические возможности, тогда как роль Ливана для Сирии заключается прежде всего в обеспечении доступа к торговым, финансовым и предпринимательским сетям региона. В этой связи сирийским властям будет необходимо выстраивать взаимодействие не только с государственными институтами Ливана, но и с ключевыми бизнес- и финансовыми группами, обладающими влиянием на трансграничные потоки капитала.

Для новой сирийской власти отношения с Ливаном принципиально отличаются от прежней модели, основанной на прямом политическом и военном влиянии Дамаска. Приоритетом становится укрепление государственных институтов обеих стран и перевод вопросов безопасности в формат межгосударственной координации — контроль сухопутной границы, обмен разведывательной информацией, противодействие контрабанде оружия и наркотиков, контроль нелегальных переходов и пресечение перемещения вооруженных групп. Для Сирии это связано одновременно с задачами внутренней консолидации и снижением риска использования ливанской территории для

дестабилизации страны; для Ливана — с необходимостью контролировать границу с государством, находящимся в процессе институциональной перестройки.

Особенно чувствительным остается вопрос «Хезболлы». После падения режима Башара Асада и сокращения прежнего уровня иранского влияния в Сирии инфраструктура регионального взаимодействия между Ираном, Сирией и «Хезболлой», включая маршруты перемещения вооружений и материально-технического обеспечения, была существенно нарушена. При этом новая сирийская власть не заинтересована в прямом военном вовлечении в ливанские внутренние конфликты: такая политика противоречила бы приоритетам восстановления государства, привлечения иностранных инвестиций и нормализации отношений с Турцией, странами Персидского залива, США и европейскими государствами. Более вероятной становится модель ограниченного институционального сотрудничества с Бейрутом — обмен информацией, контроль границы, борьба с контрабандой и пресечение трансграничных потоков вооружений — без попытки самостоятельно определять внутренний баланс сил в Ливане. Безопасность границы определяет не только политическую стабильность, но и стоимость страхования грузов, продолжительность доставки, необходимость дополнительных проверок, размер логистической премии за риск и готовность банков и инвесторов финансировать трансграничные операции. Чем эффективнее Дамаск и Бейрут смогут перевести вопросы безопасности из сферы вооруженного противостояния в сферу институциональной координации, тем ниже будут транзакционные и страховые издержки торговли и инвестиций. Напротив, сохранение неконтролируемых вооруженных сетей, контрабанды, периодических столкновений или закрытия пограничных переходов будет ограничивать развитие сухопутных коридоров и связанной с ними логистики.

Турция, Иордания, Ирак

Отношения с Турцией, Иорданией и Ираком также будут определять способность Сирии реализовать свой транзитный потенциал. Турция может потенциально являться крупнейшим торговым партнером, источником инвестиций и инфраструктурной экспертизы и одним из наиболее влиятельных внешних игроков в северной части Сирии. Иордания может выступать связующим звеном между сирийским рынком и странами Персидского залива, тогда как Ирак создает потенциальный сухопутный коридор в направлении Персидского залива и азиатских рынков. Следовательно, развитие Сирии как регионального

узла будет зависеть не от отношений с одной конкретной страной, а от способности одновременно поддерживать рабочие отношения по нескольким направлениям.

При этом устойчивость северного направления будет в значительной степени зависеть от урегулирования курдского вопроса. В августе 2026 года Сирийские демократические силы (SDF) объявили о прекращении самостоятельного функционирования и интеграции в состав сирийской армии, а созданная ими автономная система управления на северо-востоке страны должна быть включена в государственные институты. Одновременно Турция продвигает собственный процесс разоружения и демобилизации Рабочей партии Курдистана (Partiya Karkerên Kurdistanê, PKK), рассматривая сирийское и турецкое курдские досье как взаимосвязанные элементы одной системы национальной безопасности. В результате происходит постепенное устранение параллельных вооруженных структур вдоль турецко-сирийской границы, однако достигнутые договоренности пока представляют собой скорее военное и институциональное урегулирование, чем окончательное политическое решение курдского вопроса.

Для экономической интеграции это имеет принципиальное значение. Возвращение под контроль Дамаска территорий на северо-востоке означает потенциальное восстановление единого государственного пространства, включая контроль над нефтяными месторождениями, гидроэнергетическими объектами, основными автомобильными маршрутами и пограничной инфраструктурой. Это повышает способность сирийского государства обеспечивать непрерывность транспортных коридоров между Турцией, Ираком и центральными районами страны. Одновременно сохраняющиеся противоречия между Дамаском, курдскими политическими структурами и местными сообществами создают риск нового витка напряженности, если интеграция будет восприниматься как исключительно силовая и не будет сопровождаться развитием механизмов легитимного политического представительства.

Для Турции стабилизация северной Сирии имеет двойное значение. С одной стороны, ослабление SDF и PKK снижает угрозу формирования устойчивой автономной курдской зоны вдоль турецкой границы и создает более благоприятные условия для расширения турецкого экономического и инфраструктурного присутствия в Сирии. С другой стороны, Анкара заинтересована не только в безопасности границы, но и в формировании такой архитектуры сирийского государства, при которой северные территории будут связаны с турецкими торговыми

маршрутами, портами, энергетической инфраструктурой, логистическими сетями и рынком. Поэтому постепенная нормализация отношений с Дамаском может одновременно способствовать территориальной консолидации Сирии и увеличивать ее экономическую зависимость от турецких транспортных и торговых каналов.

Страны Персидского залива

Важнейшим элементом этой стратегии является взаимодействие со странами Персидского залива. Для Сирии они потенциально являются одним из наиболее значимых источников капитала, финансирования инфраструктуры и доступа к региональным рынкам. Для государств Залива восстановление Сирии, в свою очередь, создает возможности для расширения экономического и политического присутствия в Леванте. При этом интересы отдельных стран Залива не полностью совпадают, что дополнительно расширяет пространство для сирийского маневра.

Инвестиционная активность уже охватывает широкий спектр направлений — от энергетики, авиации и телекоммуникаций до портовой инфраструктуры, недвижимости, туризма и финансовых услуг. Показательным примером масштабирования этого присутствия стала договоренность с эмиратской девелоперской компанией Arada об инвестициях объемом около \$7 млрд в проекты в Сирии, что подтверждает переход от отдельных инфраструктурных проектов к более масштабному коммерческому освоению сирийского рынка⁹.

Многовекторность как основа текущей стратегии

В совокупности эти факторы объясняют одну из наиболее характерных особенностей внешнеэкономического курса новой Сирии — стремление одновременно взаимодействовать с максимально широким кругом внешних партнеров. На текущем этапе Дамаск не демонстрирует намерения закреплять за одним государством исключительное влияние на восстановление страны или предоставлять долгосрочную политическую лояльность в обмен на экономическую поддержку. Напротив, сотрудничество с США и европейскими государствами сочетается с развитием отношений со всем Левантом, странами Персидского залива, Россией и другими внешними игроками.

Такая политика имеет прежде всего прагматическое экономическое обоснование. Сирия находится на этапе масштабного восстановления и испытывает дефицит практически всех ключевых ресурсов — капитала, инфраструктуры, технологий, производственных мощностей и доступа к международным рынкам. В этих условиях отказ от сотрудничества с отдельными центрами силы ради фокуса на одном партнере означал бы искусственное сокращение доступного объема ресурсов для реконструкции и дальнейшего развития. Многовекторность позволяет сирийскому правительству поддерживать конкуренцию между потенциальными инвесторами и одновременно сохранять пространство для внешнеполитического маневра.

Потенциал долгосрочного усиления региональной роли

При успешной политической консолидации, восстановлении инфраструктуры и привлечении достаточного объема иностранных инвестиций географическое положение Сирии может стать основой для постепенного перехода от страны-реципиента внешней поддержки к самостоятельному региональному экономическому центру. Контроль над важными сухопутными и морскими маршрутами, восстановление портовой инфраструктуры, развитие энергетических и транспортных коридоров и интеграция с рынками Турции, Ирака, Иордании, Ливана и стран Персидского залива способны существенно повысить переговорную силу Дамаска.

В более долгосрочной перспективе нельзя исключать и более масштабную трансформацию региональной архитектуры. Если влияние традиционных центров силы на Ближнем Востоке, включая Израиль, будет ослабевать, а существующая модель регионального баланса окажется неспособной обеспечить устойчивую безопасность и экономическую интеграцию, стабилизированная Сирия при наличии достаточной внешней поддержки потенциально может занять более значимое место в региональной системе. В одном из возможных сценариев она способна превратиться в площадку, через которую государства Глобального Севера будут реализовывать часть своих экономических, инфраструктурных и политических интересов в Леванте, используя сирийскую территорию и ее связи с соседними рынками.

Однако такой сценарий не следует рассматривать как текущую стратегическую цель сирийского правительства или как базовый прогноз. Для его реализации потребуется не только значительный объем

внешнего финансирования, но и долгосрочная стабилизация политической системы, восстановление территориального контроля, снижение конфликтности на границах и формирование эффективных государственных институтов. Кроме того, усиление Сирии неизбежно потребует согласования интересов с Турцией, Ираком, Иорданией, Ливаном, Израилем и странами Персидского залива. На обозримом горизонте более реалистичным сценарием остается постепенное превращение Сирии в экономически более интегрированное государство и транзитный узел, а не в самостоятельного регионального гегемона.

- Таким образом, ключевая геоэкономическая интрига сирийской трансформации заключается в том, сможет ли страна использовать свое географическое положение и конкуренцию внешних игроков для восстановления экономики, не попав при этом в зависимость от одного из центров силы. На текущем этапе политика «множества партнеров» является для Дамаска наиболее рациональной: она позволяет привлекать ресурсы для восстановления, сохраняя максимальную свободу маневра. В случае успешной стабилизации эта же стратегия потенциально может стать основой для перехода Сирии от объекта внешнего влияния к субъекту региональной геоэкономической конкуренции.

Возможности для российского бизнеса

Трансформация Сирии после смены правительства создает потенциально благоприятные условия для выхода иностранных компаний на рынок, однако открытость новой экономической политики пока не следует отождествлять с гарантированным доступом к сирийским активам и государственным контрактам. Изменения регуляторной практики для частного сектора и преобразование государственного аппарата сопровождаются одновременно либерализацией инвестиционного режима и сохранением высокой роли государства в распределении экономических ресурсов¹⁰. Для российского бизнеса это означает, что привлекательность отдельных отраслей необходимо оценивать не только исходя из объема потребности Сирии в восстановлении, но и с учетом реальной структуры принятия решений, требований к иностранному капиталу, конкуренции со стороны других государств и потенциальных санкционных ограничений.

Одним из признаков изменения инвестиционного режима стало создание новых государственных механизмов управления активами и привлечения капитала. В 2025 году был создан Сирийский суверенный фонд, подчиняющийся непосредственно президенту и ориентированный на управление государственными активами, привлечение инвестиций, экономическое восстановление и развитие инфраструктурных проектов¹¹. Параллельно развивается Сирийский фонд развития, ориентированный на финансирование восстановления инфраструктуры, экономики и социальных проектов¹². Формирование подобных институтов свидетельствует о стремлении государства централизовать управление восстановлением и одновременно создать механизмы для привлечения внешнего финансирования.

Однако, несмотря на открытость государства к прямым внешним инвестициям, упрощенную схему вложений и выгодные инсентивы, важно учитывать два ограничивающих фактора данной инициативы — чрезмерно щедрая инвестиционная политика может негативно повлиять на бюджетную обеспеченность государства, а внешние инвестиции фактически единолично регулируются правительством через централизованную систему лицензирования. Последнее можно наблюдать в действиях президента аш-Шараа — упрощении структуры министерств и концентрации контроля либо в собственном кабинете, либо в узком кругу политически близких фигур¹³.

При этом централизованный характер новой экономической системы создает для иностранных компаний одновременно возможности и ограничения. С одной стороны, концентрация полномочий способна ускорять принятие решений по стратегическим проектам и сокращать количество бюрократических посредников. С другой стороны, доступ к наиболее привлекательным активам и государственным проектам, вероятно, будет в значительной степени зависеть от решений ограниченного числа государственных институтов и лиц. Поэтому для российских компаний критически важно изучать не только формальные инвестиционные правила, но и фактическую процедуру принятия решений: какие органы отвечают за конкретные отрасли, кто контролирует лицензирование и государственные закупки, какие требования предъявляются к локальным партнерам и где пересекаются интересы сирийских и иностранных инвесторов.

Военно-техническая помощь

Заинтересованность Сирии

Высокая

Риски для России

Высокие

Ключевые стейкхолдеры:

Президентский центр*; министерство обороны и командование сирийских вооруженных сил; силовые структуры и региональные военные командиры; российские государственные структуры и предприятия ОПК; местные посредники и поставщики; органы экспортного контроля и правительства третьих стран.

Здесь главный стейкхолдер — не обязательно само министерство обороны, а президентский центр, если он рассматривает российское сотрудничество как инструмент подготовки и оснащения новой сирийской армии. Потенциальными противниками или ограничителями выступают силы, заинтересованные в переориентации сирийской армии на турецкие или западные стандарты, а также внешние игроки, обеспокоенные сохранением российского военного присутствия. Поэтому вопрос будет не только в потребности Сирии в российской технике, но и в том, какая модель армии формируется новой властью и кто получает право определять ее стандарты.

*Здесь и далее: под «президентским центром» стоит понимать совокупность формальных институтов и неформальных каналов влияния, сосредоточенных вокруг президента Сирии Ахмеда аш-Шараа и его ближайшего политического окружения.

Военно-технический сектор потенциально сохраняет значение для российско-сирийских отношений благодаря накопленному опыту сотрудничества и существующим институциональным связям. Однако именно этот сектор будет одним из наиболее чувствительных с точки зрения международного регулирования и контроля за экспортом. В отношении вооружений, оборудования двойного назначения, технологий наблюдения и ряда промышленных компонентов необходимо учитывать не только сирийское законодательство, но и экспортный контроль третьих стран.

Поэтому потенциал военно-технического направления следует оценивать отдельно от коммерческих секторов восстановления. Даже при политической готовности Дамаска к сотрудничеству масштабирование российских поставок может столкнуться с более высоким уровнем комплаенс-риска, ограничениями на расчеты и транспортировку и потенциальными ограничениями со стороны иностранных

юрисдикций. Наиболее реалистичной формой присутствия в краткосрочной перспективе может оставаться межгосударственное сотрудничество, тогда как коммерческие проекты частного бизнеса требуют тщательной оценки конечного пользователя, назначения продукции и всей цепочки поставок.

Здравоохранение и фармацевтика

Заинтересованность Сирии

Высокая

Риски для России

Низкие

Ключевые стейкхолдеры:

Президентский центр и экономические институты; министерство здравоохранения; государственные больницы и региональные органы здравоохранения; Syrian Investment Authority; Syrian Sovereign Fund и Syrian Development Fund; местные медицинские дистрибьюторы и владельцы частных клиник; международные доноры и гуманитарные организации; иностранные медицинские компании.

Разрушение части медицинской инфраструктуры и ограниченный доступ населения к современным медицинским услугам формируют устойчивый спрос на восстановление больниц, медицинское оборудование и фармацевтическую продукцию. Перспективными направлениями для российских компаний могут стать поставки лекарственных препаратов и медицинского оборудования, строительство и техническое переоснащение медицинских учреждений, а в дальнейшем — локализация отдельных производств.

Конкурентная среда в секторе уже формируется. В частности, через дочернюю структуру Sarh Holding Сирийский суверенный фонд заключил крупный контракт с канадской InterHealth Canada на восстановление и техническое переоснащение 14 национальных больниц в рамках проекта «Модельная больница в каждой провинции»¹⁴. Это показывает, что сирийское правительство готово привлекать иностранные компании для реализации крупных социальных и инфраструктурных проектов и одновременно демонстрирует, что российским компаниям необходимо конкурировать за такие контракты на открытом рынке.

Гуманитарные проекты также могут выступать относительно низкозатратным инструментом формирования российского присутствия. Российская гуманитарная акция «С любовью из России» и

предшествующая продовольственная и медицинская помощь могут использоваться как элемент долгосрочной репутационной стратегии, создающей благоприятную среду для последующего коммерческого взаимодействия.

Продовольствие и сельское хозяйство

Заинтересованность Сирии

Высокая

Риски для России

Низкие

Ключевые стейкхолдеры:

Министерство сельского хозяйства; министерство экономики и промышленности; Syrian Grain Establishment; губернаторы и местные администрации; фермерские объединения и сельские общины; крупные агропредприятия и торговцы; российские поставщики зерна, удобрений и техники; поставщики из Турции, стран Персидского залива и пр.; международные продовольственные организации.

Примечание: интересы производителей и государства могут разниться — как, например, это произошло с кризисом с закупочной ценой пшеницы в 2026 году: решение правительства вызвало протесты фермеров, причем к ним присоединились политические партии. Следовательно, потенциальный российский поставщик удобрений или зерна должен смотреть не только на министерство сельского хозяйства, но и на фермеров, торговцев, элеваторы, региональные власти и политических посредников, поскольку они способны влиять на реализацию аграрной политики.

Продовольственная безопасность является одним из структурных вызовов сирийской экономики, что создает возможности для российских поставщиков зерна, продовольствия, сельскохозяйственной техники, удобрений и других ресурсов для агропромышленного комплекса. Россия уже имеет опыт поставок продовольствия в Сирию, в том числе в рамках гуманитарных механизмов и международных программ, что снижает барьеры для первоначального выхода на рынок.

Для России данный сектор представляет интерес не только как экспортное направление, но и как потенциальный инструмент долгосрочного экономического присутствия. Переход от разовых поставок к контрактам с локальными дистрибьюторами, совместным предприятиям, локализации переработки и инвестициям в сельскохозяйственную инфраструктуру позволил бы российским компаниям закрепиться в цепочке создания стоимости. Здесь же возникает потенциальный

конфликт между российским экспортом и сирийским производителем: либерализация торговли уже вызывает опасения за конкурентоспособность местного производства.

При этом продовольственный рынок Сирии следует рассматривать как конкурентный. Турецкие, европейские и другие иностранные компании, включая компании из Персидского залива, имеют потенциальный доступ к рынку и могут предложить более короткие логистические маршруты или более дешевое финансирование. Поэтому конкурентное преимущество России будет зависеть не только от цены продукции, но и от способности обеспечить комплексное предложение — поставки, финансирование, логистику, технологии и локализацию.

Энергетика

Заинтересованность Сирии

Высокая

Риски для России

Высокие

Ключевые стейкхолдеры:

Президентский центр; министерство энергетики; государственные энергетические компании; региональные администрации и органы безопасности; местные держатели активов; российские нефтегазовые компании; Ирак и другие страны — потенциальные транзитные партнеры; ближневосточные энергетические группы; международные инвесторы и финансовые институты.

Энергетика является одним из наиболее капиталоемких, но одновременно стратегически значимых направлений восстановления Сирии. Восстановление добычи и переработки углеводородов, энергетической инфраструктуры и транспортировки топлива необходимо как для восстановления промышленности, так и для обеспечения электроэнергией населения.

Одним из потенциально значимых проектов является восстановление энергетических и транспортных связей, включая реабилитацию нефтепровода Хадита—Баньяс, исторически связанного с маршрутом Киркук—Баньяс. 18 июля 2026 года Сирия и Ирак подписали меморандум о его восстановлении, а международный консорциум в составе Chevron, UCC Holding и TI Capital приступил к подготовке технических и финансовых исследований проекта¹⁵. Реализация подобных проектов могла бы изменить региональную конфигурацию поставок

энергоресурсов, связав сирийское побережье с иракскими ресурсами и создав дополнительный маршрут, не зависящий непосредственно от транзита через Ормузский пролив. Однако такие проекты требуют не только масштабного финансирования, но и согласования интересов Сирии, Ирака и других региональных игроков, а также обеспечения физической безопасности инфраструктуры.

Российские компании обладают компетенциями в нефтегазовой отрасли и энергетическом строительстве, однако именно энергетика будет одним из направлений с наиболее высоким политическим и санкционным риском. Перед участием в крупных проектах необходимо оценивать структуру собственности активов, контрагентов, источники финансирования и потенциальное применение санкционных режимов третьих стран.

Технологии и промышленная кооперация

Заинтересованность Сирии

Высокая

Риски для России

Средние, с вариативностью по типу технологий

Ключевые стейкхолдеры:

Высший совет экономического развития; профильные министерства; государственные промышленные предприятия; местные предприниматели; университеты и технические институты; профессиональные ассоциации; российские технологические и инжиниринговые компании; международные технологические партнеры; органы экспортного контроля.

Технологическое сотрудничество может стать одним из наиболее перспективных способов постепенного расширения российского присутствия без немедленного перехода к масштабным капитальным инвестициям. Существующие российско-сирийские образовательные и профессиональные связи создают основу для развития совместных проектов в инженерии, энергетике, промышленной автоматизации, цифровой инфраструктуре и других технологических направлениях¹⁶.

Отдельное направление потенциального сотрудничества связано с мирным использованием атомной энергии. Однако этот сектор относится к наиболее чувствительным с точки зрения международного контроля, поэтому его развитие целесообразно рассматривать

преимущественно как долгосрочное межгосударственное направление, а не как краткосрочную коммерческую возможность.

В более широком смысле технологическая кооперация привлекательна тем, что позволяет России формировать человеческий капитал и стандарты, а не только поставлять оборудование. Программы подготовки сирийских специалистов, совместные образовательные проекты и техническое консультирование могут создавать долгосрочную связанность сирийской экономики с российскими технологиями и компетенциями при существенно меньших первоначальных инвестициях, чем строительство собственных производственных мощностей.

Логистика и транспорт

Заинтересованность Сирии

Высокая

Риски для России

Средние

Ключевые стейкхолдеры:

Президентский центр; министерство транспорта; портовые и аэропортовые администрации; таможенные органы; региональные власти Латакии и Тартуса; местные логистические компании и торговцы; российские транспортные компании; Турция, Ирак, Иордания и страны Залива как участники потенциальных коридоров; иностранные инфраструктурные инвесторы.

Восстановление транспортной инфраструктуры является необходимым условием интеграции Сирии в региональные торговые цепочки. Возобновление постоянного морского и воздушного сообщения с Сирией создает предпосылки для увеличения торговли и облегчает присутствие иностранных компаний. 16 августа 2026 года было возобновлено регулярное авиасообщение между Дамаском и Москвой, что стало одним из индикаторов восстановления международной связанности страны¹⁷.

Для российских компаний возможности могут возникать как непосредственно в транспортном секторе, так и в обслуживании более широких торговых коридоров. Потенциально значимыми направлениями являются портовая инфраструктура, складская и таможенная логистика, управление грузопотоками и развитие транспортных связей между Средиземноморьем, Турцией, Ираком, Иорданией и странами Персидского залива.

Особое значение в этом контексте сохраняет Тартус: изменение режима российского присутствия в порту может создать возможности для сохранения российских логистических компетенций и постепенного перехода от преимущественно военно-логистического использования инфраструктуры к более широкому экономическому присутствию.

При этом российскому бизнесу в логистике важно не предполагать, что наличие российского исторического присутствия автоматически дает доступ к гражданской инфраструктуре. После передачи гражданских объектов под сирийское управление придется заново выстраивать отношения с сирийскими операторами и центром принятия решений.

Строительство и инфраструктура

Заинтересованность Сирии

Высокая

Риски для России

Средние

Ключевые стейкхолдеры:

Президентский центр; Высший совет экономического развития; Syrian Investment Authority; губернаторы и муниципалитеты; General Authority for Supply and Procurement; местные строительные компании и девелоперы; крупные бизнес-группы; владельцы земель и недвижимости; международные инвесторы и финансовые институты.

Восстановление строительного сектора является одним из наиболее очевидных направлений спроса в новой Сирии. Необходимость восстановления жилья, дорог, энергетических объектов, промышленных предприятий, социальных учреждений и городской инфраструктуры формирует потенциально масштабный рынок для иностранных строительных и инжиниринговых компаний.

Масштаб конкуренции уже заметен: по данным платформы Rebuilding Syria, около 200 компаний из 11 стран зарегистрировались для взаимодействия с потенциальными заказчиками и поставщиками¹⁸. Это показывает, что рынок восстановления постепенно превращается из преимущественно гуманитарного направления в конкурентный коммерческий рынок.

Для российских компаний наиболее рациональной может быть поэтапная стратегия. На первом этапе — поставки строительных

материалов, техники и оборудования и участие в ЕРС-контрактах; далее — создание локальных партнерств и совместных предприятий; на более длительном горизонте — участие в государственно-частных партнерствах, концессиях и самостоятельных инфраструктурных проектах. Такой подход позволяет тестировать регуляторную среду и надежность контрагентов до осуществления значительных капитальных вложений.

При этом в данной области сталкивается сразу несколько групп интересов: государство, инвесторы и крупный бизнес, а также местные собственники и сообщества, заинтересованные в защите прав на землю. Недавний кейс с застройкой в муниципалитетах Джобар и аль-Кабун в Дамаске подтверждает, что в Сирии возникает не просто риск «социального недовольства», а риск того, что инвестиционный проект юридически пройдет через государственные институты, но фактически окажется нелегитимным для собственников земли и местных сообществ¹⁹. Это делает наличие местного партнера значительным преимуществом: местный партнер сможет наладить контакт с местными сообществами, учитывать их интересы и сформировать каналы взаимодействия с региональными элитами. При этом проверка репутации местного партнера становится неотъемлемой частью процесса в связи с тем, что локальные сообщества ведут активную борьбу с посредниками, которые агрессивно выкупают проблемную или разрушенную недвижимость по низким ценам у местного населения. Доклад ТИМЕР показывает, что особенно конфликтными становятся крупные территориальные проекты, где один инвестор получает контроль над значительной площадью и одновременно меняет структуру собственности, зонирования и землепользования. В случае Джобара и аль-Кабуна речь идет примерно о 1 100 га и проекте стоимостью \$21 млрд.

Финансы и банкинг

Заинтересованность Сирии

Высокая

Риски для России

Высокие

Ключевые стейкхолдеры:

Центральный банк Сирии; министерство финансов; Financial Intelligence Unit; государственные и частные сирийские банки; президентский центр; российские банки; международные корреспондентские банки; страховые компании; экспортно-кредитные агентства;

международные финансовые институты; крупные сирийские бизнес-группы и платежные платформы; лоббистские группы и региональные элиты.

Финансовая инфраструктура является одним из ключевых ограничений для масштабирования практически всех остальных направлений российско-сирийского экономического сотрудничества. Даже при наличии спроса на российские товары, оборудование и инвестиции реализация крупных проектов будет зависеть от возможности проводить расчеты, привлекать финансирование, страховать риски и обеспечивать международные платежи.

Постепенная реинтеграция Сирии в международную финансовую систему создает потенциальные возможности для расширения торговли и инвестиций, однако одновременно усиливает требования к прозрачности операций и соблюдению международных стандартов комплаенса. Для российских компаний особое значение имеет риск так называемого de-risking: даже при формальной допустимости операции иностранные банки, страховщики или финансовые посредники могут отказаться обслуживать сделку из-за ее потенциальной санкционной чувствительности.

При этом санкционный риск в данном секторе имеет двусторонний характер. Для российской компании ограничением могут быть санкции против нее самой или ее банков, тогда как для сирийской стороны потенциальным риском становится возможность вторичных санкций за сотрудничество с российским контрагентом. Поэтому сирийские государственные органы и частные партнеры могут проявлять повышенную осторожность именно при выборе российских финансовых и инвестиционных партнеров, особенно в крупных государственных и инфраструктурных проектах.

Перспективными направлениями могут стать развитие механизмов расчетов в национальных валютах, использование допустимых альтернативных платежных каналов, развитие двустороннего банковского взаимодействия, экспортного финансирования и страхования политических рисков. Однако такие механизмы не устраняют необходимость индивидуальной проверки каждой транзакции: ключевыми критериями остаются структура собственности участников, характер проекта, конечные бенефициары, банки-посредники, источники финансирования и юрисдикции, через которые проходит платеж. Усиление сирийской системы ПОД/ФТ, включая углубление KYC для высокорисковых клиентов и PEP, развитие электронного мониторинга и создание

национального реестра бенефициарных владельцев, будет повышать требования к прозрачности структуры владения и происхождению средств российских инвесторов и их сирийских партнеров²⁰.

В результате финансовый сектор следует рассматривать не только как отдельную коммерческую возможность, но и как инфраструктурное условие российского присутствия в Сирии. Без создания приемлемых для обеих сторон механизмов расчетов и финансирования даже конкурентоспособные российские предложения в сельском хозяйстве, строительстве, энергетике или промышленности могут не перейти от стадии переговоров к фактической реализации.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что после смены власти в декабре 2024 года российско-сирийские отношения переходят в качественно новую фазу. Сирия последовательно отказывается от модели, в которой внешнеполитическое и экономическое взаимодействие преимущественно строилось вокруг ограниченного числа партнеров, и формирует многовекторную систему сотрудничества. Дамаск стремится одновременно привлекать капитал, технологии и инфраструктурные ресурсы из разных источников, сохраняя возможность балансировать между региональными и глобальными игроками. При этом международная открытость является для Сирии прежде всего инструментом восстановления экономики и снижения собственных рисков, а не обязательством перед каким-либо отдельным партнером. Таким образом, российскому бизнесу в новой Сирии предстоит конкурировать за экономическое присутствие наравне с компаниями из Турции, стран Персидского залива, Европы, США, Китая и других стран.

Эта логика определяет и возможности, и ограничения для российского бизнеса. Россия обладает накопленным политическим, институциональным и инфраструктурным капиталом: многолетние дипломатические связи, опыт работы в сирийской экономике, присутствие в энергетике и инфраструктуре, а также действующие деловые и государственные контакты снижают часть традиционных барьеров входа. Однако этот капитал больше не гарантирует российским компаниям приоритетного доступа к рынку. Переформатирование российского присутствия в Тартусе и Хмеймиме демонстрирует общий характер происходящих изменений: речь идет не столько о прекращении российско-сирийского взаимодействия, сколько о переходе от

преимущественно военно-политической модели к более сложной и диверсифицированной системе экономических и институциональных связей.

При этом ключевым ограничением для российского бизнеса в краткосрочной перспективе остается не только физическая безопасность, но и политико-регуляторная и санкционная чувствительность российского участия. Сирийское правительство заинтересовано в расширении экономических связей с Россией, однако его готовность допускать российских контрагентов не будет одинаковой во всех секторах и проектах. Для сирийской стороны сотрудничество с российской компанией может нести не только прямой санкционный риск, но и более широкий риск ухудшения доступа к международным банкам, страхованию, поставщикам, инвесторам и другим внешним рынкам. Поэтому даже при формальном отсутствии запрета на конкретную сделку российский контрагент может восприниматься сирийской стороной как потенциальный источник дополнительного внешнеэкономического риска. Особенно это существенно для проектов, связанных с государственными активами, стратегической инфраструктурой, энергетикой, военно-техническим сотрудничеством и технологиями двойного назначения.

Таким образом, санкционный фактор работает в российско-сирийских отношениях не только как ограничение для российских компаний, но и как фактор, способный снижать готовность самой Сирии к сотрудничеству с российским бизнесом. По мере интеграции Сирии в международную финансовую и торговую систему сирийские государственные органы, банки и частные компании будут вынуждены учитывать не только потенциальную выгоду от российского партнера, но и возможные последствия такого сотрудничества для их отношений с третьими странами. В этом отношении российский бизнес может столкнуться с ситуацией, при которой сирийский контрагент будет сознательно ограничивать публичность сделки, выбирать менее чувствительные формы сотрудничества, требовать дополнительных комплаенс-гарантий или отдавать предпочтение партнерам, не создающим аналогичных рисков для доступа к международным рынкам.

В этой связи выход на сирийский рынок целесообразно рассматривать как поэтапное формирование экономической встроенности, а не как попытку быстро занять доминирующее положение. На первом этапе наиболее реалистичны экспорт, поставки оборудования и продовольствия, работа через дистрибьюторов и местных партнеров, а также пилотные проекты с относительно низкой капиталоемкостью. По

мере накопления опыта и снижения неопределенности возможен переход к совместным предприятиям, локализации производства, инфраструктурным проектам и прямым инвестициям. Такая модель позволяет российским компаниям одновременно проверять устойчивость спроса, изучать реальную систему принятия решений в Сирии и постепенно наращивать присутствие без избыточной концентрации капитала и политического риска.

С точки зрения отраслевых перспектив наиболее привлекательными выглядят сельское хозяйство и продовольственная безопасность, фармацевтика и здравоохранение, энергетика, строительство и инфраструктура, логистика, а также отдельные направления промышленной и технологической кооперации. Однако привлекательность этих секторов неодинакова с точки зрения риска. Наиболее низкую санкционную и репутационную чувствительность имеют проекты, непосредственно связанные с восстановлением базовой экономической инфраструктуры и удовлетворением социальных потребностей — продовольствием, здравоохранением, сельским хозяйством и частью строительных проектов. Энергетика, логистика и отдельные технологические направления обладают более высоким стратегическим потенциалом, но одновременно требуют более сложной оценки безопасности, регулирования, финансирования и санкционных ограничений. Военно-техническое сотрудничество остается наиболее чувствительным направлением и в краткосрочной перспективе в большей степени требует межгосударственного сопровождения.

При этом долгосрочное преимущество России может заключаться не в создании зависимости Сирии от российских поставок, а в формировании взаимозависимости, выгодной обеим сторонам. Интеграция российских компаний в сирийские цепочки создания стоимости, развитие совместных предприятий, привлечение местных производителей и рабочей силы, передача технологий и подготовка кадров способны сделать российское присутствие экономически более устойчивым и одновременно повысить его приемлемость для сирийской стороны. Для Дамаска такая модель снижает зависимость от одного внешнего поставщика, а для России создает более глубокую и долгосрочную экономическую связь, которую сложнее заменить простой сменой коммерческого партнера.

В этом контексте важным становится переход от логики «присутствия России в Сирии» к логике «создания российско-сирийской экономической экосистемы». Российскому бизнесу необходимо не только предлагать товары и капитал, но и помогать формировать локальные

производственные, логистические, образовательные и технологические связи. Именно такая модель способна конвертировать накопленный Россией политический капитал в устойчивое экономическое влияние без чрезмерного усиления репутационных и геополитических рисков.

Практическим первым шагом в этом направлении должно стать более глубокое изучение новой системы принятия решений в Сирии и формирование прямых контактов с потенциальными партнерами. Обсуждение возможностей российского бизнеса уже выходит на уровень предпринимательских объединений: 14 августа в Московской ТПП состоялся бизнес-диалог «Москва — Сирия», посвященный, в частности, сельскому хозяйству, пищевому производству, технологиям и инвестициям²¹. Участники отдельно отмечали необходимость повышения информированности российского бизнеса о возможностях сирийского рынка и предлагали организовать деловой визит российских предпринимателей в Сирию. Подобные инициативы могут стать начальной точкой для перехода от общего интереса к конкретным коммерческим проектам.

Следующим уровнем поддержки может стать институциональное сопровождение выхода бизнеса: участие в международных и отраслевых выставках, организация бизнес-миссий, развитие механизмов экспортного финансирования и страхования политических рисков, поиск надежных местных партнеров и создание каналов для прямого взаимодействия с сирийскими государственными и деловыми структурами. Отдельное значение будет иметь развитие расчетных механизмов, позволяющих проводить внешнеторговые операции с минимальной зависимостью от инфраструктуры, способной ограничивать операции с российскими и сирийскими контрагентами. В более долгосрочной перспективе дополнительным фактором расширения экономических возможностей может стать интеграция Сирии в многосторонние форматы экономического сотрудничества, включая потенциальное взаимодействие с БРИКС и другими государствами Глобального Юга.

Таким образом, российское окно возможностей в Сирии действительно существует, но при этом оно не является безусловным. Его реализация будет зависеть от способности российских компаний одновременно соответствовать трем условиям: предлагать Сирии востребованный экономический ресурс, вписываться в ее многовекторную модель внешних связей и не создавать для сирийской стороны непропорционального санкционного или политического риска. Для России

это означает необходимость перехода от модели, основанной преимущественно на историческом политическом капитале и государственном присутствии, к модели конкурентоспособного экономического партнерства.

В краткосрочной перспективе наиболее рациональной стратегией является осторожное и поэтапное расширение присутствия с опорой на государственное сопровождение и местных партнеров. В долгосрочной — при условии политической стабилизации и восстановления экономики Сирии — Россия может занять устойчивые позиции в отдельных секторах и цепочках создания стоимости. При этом наибольшим стратегическим преимуществом будет обладать не тот игрок, который первым попытается занять максимальную долю сирийского рынка, а тот, кто сможет раньше других понять новую архитектуру принятия решений в стране, встроиться в нее и предложить Сирии экономическую ценность без создания для нее дополнительных внешнеполитических рисков.

¹ «Другая Сирия: “Камо грядеши”». Центр внешнеполитического сотрудничества им. Е. М. Примакова. [🔗](#)

² Министерство иностранных дел Российской Федерации (2005). «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Сирийской Арабской Республики о поощрении и взаимной защите капиталовложений». [🔗](#)

³ «Россия и новые власти Сирии договорились о судьбе военных баз в Тартусе и Хмеймиме». 9 августа 2026 г. SANA // <https://sana.sy/syria-and-the-world/2548970/> [🔗](#)

⁴ «Treasury and State Departments Deliver Additional Sanctions Relief on Syria». 24 августа 2026 г. U.S. Department of the Treasury / OFAC // URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/sb0612/> [🔗](#)

⁵ «Treasury Issues Immediate Sanctions Relief for Syria». 23 мая 2025 г. U.S. Department of the Treasury / OFAC // URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/sb0148> [🔗](#)

⁶ «Providing for the Revocation of Syria Sanctions». 30 июня 2025 г. The White House // URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/06/providing-for-the-revocation-of-syria-sanctions> [🔗](#)

⁷ «Treasury Sanctions Financial Facilitators and Illicit Drug Traffickers Supporting the Syrian Regime». 28 марта 2024 г. U.S. Department of the Treasury / Office of Foreign Assets Control (OFAC) // URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy2210> [🔗](#)

⁸ «Box 4. The Regionalization of Lebanese Banks». 2010 г. International Monetary Fund (IMF) // URL: <https://www.elibrary.imf.org/view/journals/OO2/2010/306/article-A001-en.xml> ↗

⁹ «Syria signs agreement with UAE developer Arada for \$7 billion real estate project». 31 августа 2026. Reuters // URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/syria-signs-agreement-with-uae-developer-arada-7-billion-real-estate-project-2026-08-31/> ↗

¹⁰ «Syria's New Investment Law and the Return of State-Mediated Market Access». Middle East Institute, 21 мая 2026 г. ↗

¹¹ «Президентский указ №113 об учреждении Суверенного фонда для реализации прямых проектов развития и производства». 9 июля 2025 г. Syrian Arab News Agency (SANA) // URL: <https://sana.sy/en/syria/363574/> ↗

¹² «Президент аль-Шараа издал Президентский указ №112 об учреждении Фонда развития для поддержки восстановления». 9 июля 2025 г. Syrian Arab News Agency (SANA) // URL: <https://sana.sy/en/syria/363567/> ↗

¹³ Daher, J. (2026). «Serving the Elite? Syria's New Political Economy». 6 августа 2026 г. The Tahrir Institute for Middle East Policy (TIMEP) // URL: <https://timep.org/2026/08/06/serving-the-elite-syrias-new-political-economy/> ↗

¹⁴ «Syria signs deal with Canadian firm to modernize 14 public hospitals». 3 августа 2026 г. Syrian Arab News Agency (SANA) // URL: <https://sana.sy/en/syria/2333855/> ↗

¹⁵ «What to know about the historic Syrian-Iraqi Kirkuk–Baniyas pipeline». 19 июля 2026 г. Syrian Arab News Agency (SANA) // URL: <https://sana.sy/en/economic/2330532/> ↗

¹⁶ «В Москве обсудили вопросы расширения российско-сирийского сотрудничества в сфере образования». 20 марта 2024 г. Министерство просвещения Российской Федерации // URL: <https://edu.gov.ru/press/8225/v-moskve-obsudili-voprosy-rasshireniya-rossiysko-siriyskogo-sotrudnichestva-v-sfere-obrazovaniya> ↗

¹⁷ «Syrian Airlines resumes Moscow-Damascus flights, plans wider international network». 16 августа 2026 г. Syrian Arab News Agency (SANA) // URL: <https://sana.sy/en/syria/2336696/> ↗

¹⁸ «Rebuilding Syria Platform». 2026 г. Rebuilding Syria // URL: <https://www.rebuilding-syria.com> ↗

¹⁹ Baghdadi, J. (2026). «Who Pays for Syria's Reconstruction? Residents Push Back on Investor-Led Projects in Eastern Damascus». 27 августа 2026 г. The Tahrir Institute for Middle East Policy (TIMEP) // URL: <https://timep.org/2026/08/27/who-pays-for-syrias-reconstruction-residents-push-back-on-investor-led-projects-in-eastern-damascus/> ↗

²⁰ SANA // «Запуск семинара “К новой стратегии борьбы с отмыванием денег, финансированием терроризма и распространением оружия в Сирии”». 21 июля 2026 г. URL: <https://sana.sy/locals/2533278/> ↗

²¹ «Бизнес-диалог “Москва – Сирия”». 14 августа 2026 г. Московская торгово-промышленная палата // URL: <https://mostpp.ru/news/mezhdunarodnaya-deyatelnost/biznes-dialog-moskva-siriya> ↗

Авторы

Лаура Моллаева

Руководитель группы стратегии и разработки продуктов,

Геоэкономические риски

mollaeva@baikal-lobridge.ru

Анастасия Сойнова

Стажер, GR и оценка рисков

Все права защищены. Любое использование, распространение или цитирование материалов допускается только при наличии ссылки на источник.

Больше аналитических материалов вы найдете на сайте: baikal-lobridge.ru